

Герасименко И. А.,

Горловский государственный педагогический институт иностранных языков

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА КОЛОРАТИВА ЖЁЛТЫЙ (на материале языка русского фольклора)

Надана стаття присвячена дослідженню семантики кольоропозначення жёлтый в мові російського фольклору. Метою є розкриття етнокультурної інформації, що закодована в кольоропозначенні жёлтый.

Ключові слова: колоратив, мова фольклору, семантика, структура значення.

Данная статья посвящена исследованию семантики колоратива жёлтый в языке русского фольклора. Цель статьи – раскрытие этнокультурной информации, заложенной в колоративе жёлтый.

Ключевые слова: колоратив, язык фольклора, семантика, структура значения.

This present paper is limited to the examination of semantics of the colour name yellow in folk Russian texts. The objective of the paper is revelation of the ethnocultural information which is coded in the colour name yellow.

Key words: colour name, the folk text, semantics, the structure of the meaning.

Как известно, в устном народном творчестве “язык сохраняет многое от доисторической старины” [2, с. 76]. Это утверждение относится и колоративам, в структуре значения которых отражена, кроме собственно цветовой, семантика, связанная с историей народа, его бытом, обычаями, традициями и ментальностью. Цель статьи – описать структуру значения используемого в языке фольклора колоратива *жёлтый*, акцентируя внимание на диффузности его семантики, нередко осложнённой “фольклорной символикой и реликтивными ритуальными представлениями” [10, с. 6]. И хотя исследование колоративов на материале языка фольклора входит в круг традиционно рассматриваемых, в работах учёных (например, А.Т. Хроленко, М.А. Бобуновой, Т.Е. Никулиной, Т.А. Павлюченковой, О.А. Петренко, Л. Раденковича и др.), как правило, только констатируется, что колоративы являются практически неизменными канонизированными образцами пласта народнопоэтической речи, заключающих в себе те значения, которые издревле имели.

Адъектив *жёлтый* в народнопоэтической речи “используется сравнительно редко” [14, с. 25], имея довольно ограниченные сочетаемостные возможности. Данное прилагательное включено, как правило, в состав выражений *жёлтый песок*, *жёлтые кудри*. Например: *Никогда не выгорает / На горе желтой песок* [19, с. 543]; *Как ухватит он Алёшку за жёлтые кудри, / Взял же он Алёшуньку охаживать, / А не слышно было в бухканье да охканья!* [12 (1), с. 153]. Спорадически основа *жёлт-* используется как компонент сложного слова для описания масти: *Смотрим, как говорил дедушка, и доподлинно, едет Пугачёв верхом на светло-жёлтом коне* [9, с. 238]. Однако лексема *жёлтый* в языке устного народного творчества связана не только с областью обозначения жёлтого цвета. Слово *жёлтый* наделено неоднозначной семантикой, в него вложены комплексы значений – ‘жёлтый’ и ‘тёмный’, ‘жёлтый’ и ‘светлый’.

Глубинная связь колоратива *жёлтый* с семантикой тёмного цвета не вызывает сомнений. Если согласиться с положением о том, что значение ‘тёмный’ в общепонятном плане первично по отношению к значению ‘светлый’, то, возможно, слово *жёлтый* было изначально наделено значением ‘тёмный’, семантика светлого цвета в данном колоративе вторична. Этот тезис подкрепляется этимологическим материалом. Так, данное прилагательное включено в один ряд с греч. *κελαιός* ‘чёрный’ и др.-прусск. *golimban* ‘синий’ [5, с. 20] и, по-видимому, “родственно с *жуткий*, *жуть* (< ‘тьма’)” [8, с. 8] (ср. с.-хорв. *жу́т* ‘жёлтый’). Связь лексемы *жёлтый* с областью обозначения “тёмного” реализована в народнопоэтическом выражении *жёлтый песок*, которое в обрядовых текстах может актуализировать (кроме собственно спектральных свойств) мифопоэтический образ сырой земли и реализовывать “мотив захоронения” [14, с. 25]. Например: *Наша матушка / Да во сырой земле, / Да во жёлтом песке, / Крепко спит да в гробовой доске* [17, с. 216]; *Тяжёл камень на дно тянет, / Шёлкова трава ноги спутала, / Жёлты пески на груди легли* [17, с. 93]. Как следствие, образ жёлтого песка присутствует в inferнальных описаниях различных превращений и таинств. Ср.: *Уж вы сёстры мои вы родимые! / Вы подите-тка на сине море, / Вы возьмите-тка песку жёлтого, / Вы посеите-ка в саду батюшки. / Да когда песок взойдёт-вырастет, / Я тогда ж, сёстры, к вам назад буду* [16, с. 291]. В подобных примерах семантика колоратива *жёлтый* не связана с областью обозначения жёлтого цвета, здесь данная лексема наделена негативным значением ‘тёмный’. Ввиду этого можно поставить в заслугу некоторым лингвистам (М.А. Бобуновой, О.А. Петренко, А.Т. Хроленко) сближение слова *жёлтый* со значением ‘тёмный’ в фольклорных выражениях типа *сытучий жёлтый песок*, производимое, правда, без интерпретации семантической стороны данной близости. Например, у М.А. Бобуновой и А.Т. Хроленко находим: “Жёлтый песок – общефольклорное эпитетосочетание с весьма сложной семантикой. В ней проступает мотив захоронения” [1, с. 5]. Авторы не указывают на причины смысловой связи колоратива *жёлтый* со значением ‘тёмный’, тогда как наличие этой связи не случайно. Считаем, что в сочетании *жёлтый песок* отражено не конкретное “цветовое” значение, а скрыто реализована прототипическая семантика слова *жёлтый* как ‘тёмный’.

Связь адъектива *жёлтый* со значением ‘тёмный’ видна и в том случае, когда данный колоратив используется носителями русской лингвокультуры при передаче различных таинств и превращений. Например: *Видит он такое горе, подошёл до могилы, достал из-за пазухи три цветка: белый, жёлтый и красный. Бросил белый цветок – могила открылась; бросил жёлтый цветок – дыхание стало; бросил красный цветок – Ваня с Аннушкой живыми стали* [18 (3), с. 50]. Поскольку слово *жёлтый* присутствует в описании потустороннего мира, оно

символизирует мифические действия и перевоплощения. Ср.: *Увидал этот мужик барина, снял чёрный армяк и чёрный башлык, а надел жёлтый армяк да жёлтый башлык, подошёл к сосне и подпёр сосну плечом, а сосна та наклонилась на озимь* [18 (3), с. 144]. В данном примере адъектив *жёлтый* выступает речевым актуализатором запредельного и непостижимого, связан со значением ‘тёмный’. Примечательно, что такое понимание жёлтого просматривается не только в языке фольклора, оно вербализуется в заговорах, обрядах и суевериях ряда других славянских народов. К примеру, в южнославянских верованиях жёлтый – это обычный цвет мифических существ, которые “водят души на тот свет” [15, с. 139], тогда как жёлтые собаки, жёлтый петух, цыплята с жёлтыми ногами, жёлтый человек считаются способными уносить некоторые болезни (см. об этом более подробно: [15, с. 139–140]). Поэтому, руководствуясь принципом “клин клином” [7, с. 257], желтуху лечили с помощью растений жёлтого цвета: жёлтой розой – в Македонии, подсолнечником – в Сербии, ястребинкой и адонисом – в Украине.

По народным представлениям, жёлтый цвет воспринимается как нежелательный в свадебном обряде (ср. заметки о свадебном венке невесты в укр.: *В цей білий вінок були вкраплені з окрашеного воску квіточки рожеві, блакитні, червоні, тільки не жовті* (цит. по: [7, с. 256]). Жёлтый традиционно считается цветом разлуки и измены, что отражено в русской фольклорной традиции. Например: *Не носите, девки, жёлто, / Жёлтое – изменушка; / Только я буду носить – / Изменена девушка* [19, с. 479]; *Я узнала про измену, / Приколола жёлтый цвет. / Милый твёрдо убеждает, / Говорит: “Измены нет”* [19, с. 473]. В результате колоратив *жёлтый* как ‘тёмный’ альтернирует с лексемой *чёрный*: *Захватили и стольный Киев град. Убили Ярополка предательски. Помог им Блуд чёрной изменою* [11]. В выделенном сочетании вербализована глубинная содержательная равнозначность слов *жёлтый* и *чёрный*, прилагательные *жёлтый* и *чёрный* осмысливаются как ‘тёмный’. Однако зачастую лингвисты или только обращают внимание на то, что значения колоратива *жёлтый* сконцентрированы “вокруг двух полярных полюсов” [20, с. 474], или полагают, что слово *жёлтый* наделено в суеверных текстах лингвокультурными негативными коннотациями вследствие ассоциаций жёлтого цвета с увядающей растительностью и с цветом мёртвого тела. “Жёлтый цвет преобладает в природе во второй половине года – это цвет зрелых колосьев и засыхающих растений. Это время – преддверие зимы, холода и мрака, поэтому жёлтый цвет может быть связан и с потусторонним миром” [15, с. 139]. Думаем, что отрицательные смыслы данного колоратива нужно возводить к глубинной семантике слова *жёлтый*, т. е. к понятийному контексту “тёмного”.

В историко-культурной языковой традиции за колоративом *жёлтый* закреплена семантика не только тёмного цвета. В структуре значения данной лексемы заложено и значение ‘светлый’. Но и в русском, и в других языках связь слова *жёлтый* с семантикой светлого цвета (как, впрочем, и тёмного) остаётся невыясненной. Возможно, участие одного и того же адъектива в обозначении цветовой противоположности ‘тёмный’ – ‘светлый’ связано с общей тенденцией движения от “тёмного” к “светлому”, в результате которой колоратив *жёлтый* с общепонятийным значением ‘тёмный’ закономерно получил семантику светлого (жёлтого) цвета.

Слово *жёлтый* как ‘светлый’ реализовано, например, в сочетании *жёлтые кудри*: *Он берёт Илью да за жёлты кудри* [3, с. 38]. Объяснение использования прилагательного *жёлтый* со значением ‘светлый’ в рамках такого выражения мы находим у некоторых авторов. “Жёлтый, – пишет П. Д. Первов, – обычный эпитет при “волоса” и “кудри”... вероятно, здесь чувствовалось понятие светлого, т. е. прекрасного” (цит. по: [13, с. 65–66]). “Быть может, более точным будет определение “цветового” значения лексико-семантического варианта прилагательного *жёлтый* не как ‘жёлтый’, а как ‘ярко-жёлтый’, подчеркнув актуальность семы ‘яркий’, а также семы ‘цвета золота’”, – заключает Т.А. Павлюченкова [13, с. 66]. Колоратив *жёлтый* в сочетании *жёлтые кудри* традиционно понимается как ‘светло-русый’. Поэтому в синтагмах *жёлтые кудри*, *русые косы* лексемы *жёлтый*, *русый* синонимизируются. Выбор между колоративами *жёлтый*, *русый* зависит, по мнению учёных, только лишь “от определяемого существительного – кудри или коса” [1, с. 4]. Ср.: *Нагляделась бы на мила дружка / Во запас, / Разметала бы русу косыньку / По белым плечам* [17, с. 121]. Поэтому вхождение основ *жёлт-* и *рус-* в сложное слово *жёлто-русый* вполне логично: *Сидит-то девица да причитает / И ко своей-то косы да жёлто-русые: / “И моя-то коса да жёлто-руская, / Плетена у родители у матушки / Во новом во высоком во тереме”* [12 (3), с. 477].

Слово *жёлтый* как ‘светлый’ может быть семантически равнозначно лексеме *золотой*. Смысловая тождественность этих адъективов реализуется при описании цвета кос (кудрей, волос): *Схватил её за жёлты косы, да начал бить, стегать* [18 (2), с. 145]; *Да помутились у меня-де очи ясные, / Да смотрачись-де на красоту Чурилову, / Да на его-то на кудри на жёлтые* [16, с. 197]; *Вот поехали они за царицей золотые кудри* [18 (1), с. 229]; *Голова вся была курчава, а эти волосы, как кольца золотые, вились* [9, с. 422]. В русской традиции в силу естественно-географических и демографических условий люди “славянского типа внешности со светлыми волосами” издревле воспринимались как “правильные и нормальные” [6, с. 355]. В результате адъективы *жёлтый*, *русый*, *золотой*, используемые для описания признака красоты, взаимозаменяясь и отождествляясь, вербализуют область светлого (*жёлтый*, *русый*, *золотой* = ‘светлый’). Отметим, что на ассоциативные связи слова *жёлтый* с золотом обращают внимание некоторые лингвисты (см., например: [7, с. 257]), однако причины этой связи не объясняют.

Адъектив *жёлтый*, будучи закреплённый за областью обозначения светлого цвета, может быть семантически равнозначен слову *белый*. Ср. контекстуальное значение сочетания *белый горох* с образным выражением *жёлтые кудри*: *Не белой горох рассыпается, / Чуриловы жёлты кудри валяются* [12 (3), с. 573]. К сожалению, учёные, указав на семантическую тождественность рассматриваемого слова с лексемой *белый*, дальше констатации этого факта не продвинулись (“... прилагательное *жёлтый* вступает в ассоциативные связи с прилагательным *белый*, ставшим универсальным знаком оценки” [1, с. 4]). Считаем, что ответ надо искать в глубинной особенности колоративов – с помощью одного слова выражать разные, иногда диаметрально противоположные значения.

Как пишет В.В. Виноградов, “вне зависимости от его данного употребления слово присутствует в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность” [4, с. 21].

Адъектив *жёлтый* наделён семантикой светлого цвета и в сочетании *жёлтая акация: Во саду рвала цветочки – жёлтую акацию* [19, с. 585]. В данном выражении слово *жёлтый* выступает в видовой функции, отличая образ жёлтой акации от белой. Очевидным остаётся то, что в народнопоэтическом сочетании *жёлтая акация* прилагательное *жёлтый* находится в области обозначения светлого цвета.

По сути, тождественность слов *жёлтый*, *русый*, *золотой*, *белый* в приведённых примерах объясняется их общей лингвокультурной семантикой: ‘жёлтый’, ‘русый’, ‘золотой’, ‘белый’ – это ‘светлый’. Следовательно, представленные значения колоратива *жёлтый*, его коннотативная разноплановость позволяют считать, что в данное слово вложен и собственно цветовой признак, и смыслы, связанные с архетипической идеей тьмы и света.

Изложенное позволяет считать, что в архаичных текстах, к числу которых принадлежит памятник фольклорной традиции, прослеживается глубинный номинативный смысл слова *жёлтый*. Колоратив *жёлтый* изначально мог употребляться носителями языка для выражения значения ‘тёмный’, поэтому данное слово не различалось с лексемой *чёрный* и наделялось, в ряде случаев, лингвокультурными смыслами ‘неизведанный’ и ‘таинственный’. Получив семантику светлого цвета, лексема *жёлтый* стала передавать значения ‘русый’, ‘золотой’, ‘белый’, соответственно, отождествляться со словами *русый*, *золотой*, *белый*. Данный факт может быть подтверждением мысли о том, что одни и те же слова были задействованы в обозначении цветовой противоположности “тёмного” – “светлого”. Безусловно, это положение требует дальнейшей проверки на материале других текстов и колоративов, что и будет нами сделано в последующих работах.

Литература:

1. Бобунова М. А. Пробная статья. “Жёлтый” / М. А. Бобунова, А. Т. Хроленко // Фольклорная лексикография : сб. науч. тр. – Вып. 4. – Курск : Изд-во КГПУ, 1995. – С. 3-13.
2. Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : [в 2 т.] / Ф. И. Буслаев. – Т. 1. – СПб., 1861. – 714 с.
3. Былины / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Селиванова Ф. М.]. – М. : Сов. Россия, 1988. – 576 с.
4. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов : учеб. пособие [для вузов] ; отв. ред. Г. А. Золотова. – [3-е изд., испр.]. – М. : Высш. шк., 1986. – 640 с.
5. Кезина С. В. История цветообозначений в русском языке : учеб.-метод. пособие к спецкурсу / С. В. Кезина / Пензен. гос. пед. ун-т им. В. Г. Белинского. – Пенза, 2000. – 50 с.
6. Колмогорова А. В. Языковое значение и речевой смысл : Опыт функционально-семиологического исследования прилагательных-обозначений светлого и тёмного в современных русском и французском языках / А. В. Колмогорова. – Новокузнецк, 2006. – 380 с.
7. Колосова В. Б. Цвет как признак, формирующий символический образ растений / В. Б. Колосова // Признаковое пространство культуры / Отв. ред. С. М. Толстая. – М. : Индрик, 2002. – С. 254-266.
8. Луценко Н. А. Из записок по диахронической семантике : ‘синий’ / Н. А. Луценко // Нова філологія. – Запоріжжя, 2004. – № 1 (20). – С. 5-13.
9. Народная проза / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Азбелева С. Н.]. – М. : Русская книга, 1992. – 608 с.
10. Никулина Т. Е. Цветовые прилагательные в языке различных жанров русского фольклора : автореф. дис. на соискание учёной степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 “Русский язык” / Т. Е. Никулина. – М., 1989. – 16 с.
11. О Добре Хазарище, его племяннике князе Владимире, русском богатыре Вольге Ивановиче и его сыне Иване Варяжке. – Режим доступа к произведению : <http://geocities.com/vodin2000/b6.html>.
12. Онежские былины : [в 3-х т.]. / [записанные А. Ф. Гильфердингом]. – Изд. 4-е. – М.–Л. : Изд-во АН СССР. – Т. 1. – 1949. – 735 с.; Т. 3. – 1951. – 670 с.
13. Павлюченкова Т. А. Анализ функционирования цветочных прилагательных в текстах русских былин / Т. А. Павлюченкова // Источниковедческие и текстологические материалы в лингвистических курсах : метод. рекомендации / Моск. гос. пед. ин-т. – М. : МГПИ, 1984. – С. 63-73.
14. Петренко О. А. Жёлтый и Yellow в народной лирике двух эпосов / О. А. Петренко // Фольклорная лексикография : сб. науч. тр. / Курск. гос. пед. ун-т. – Вып. 4. – Курск, 1995. – С. 24-25.
15. Раденкович Л. Символика цвета в славянских заговорах / Л. Раденкович // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры : источники и методы / АН СССР ; Ин-т славяноведения и балканистики / Отв. ред. Н. И. Толстой. – М., 1989. – С. 122-148.
16. Русская народная поэзия. Эпическая поэзия : сборник / [вступ. статья, предисл. к разделам, подг. текста, коммент. Б. Путилова]. – Л. : Худож. лит., 1984. – 440 с.
17. Русский фольклор / [сост. и примеч. В. Аникина]. – М. : Худож. лит., 1986. – 367 с.
18. Сказки : [в 3-х кн.]. / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Круглова Ю. Г.]. – М. : Сов. Россия. – Кн. 1. – 1988. – 544 с.; Кн. 2. – 1989. – 576 с.; Кн. 3. – 1989. – 624 с.
19. Частушки / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова]. – М. : Сов. Россия, 1990. – 656 с.
20. Чистякова Г. В. Язык и культура: элементы концептуального анализа цветообозначения жёлтый (на материале английского и русского языков) / Г. В. Чистякова // Наука и образование : материалы Всерос. научн. конф., 20-21 февраля 2003 г. [в 4 ч.]. – Ч. 3. Лингвистика. – Белово, 2003. – С. 469-474.